

Марина Александровна Витухновская-Кауппала

*Хельсинкский университет,
г. Хельсинки*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАРЕЛЬСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена истории и историографии Гражданской войны в карельских регионах Северо-Запада России (1918–1922 гг.). В ходе гражданского противостояния карелы оказались в эпицентре воздействия нескольких политических и вооруженных сил и вынуждены были выбирать линию политического поведения. Карельское население не было едино, и выбираемые им стратегии были различны – от присоединения к большевикам до попыток формирования независимого национального государства или вхождения в качестве протектората в Финляндскую республику. Однако основная часть населения Беломорской Карелии избрала стратегию самоизоляции и создания национального квазигосударства, которое, однако, не было жизнеспособным и было сметено большевистскими силами в 1920 г.

Ключевые слова: Гражданская война, карельский вопрос, Финляндия, историография, Временное правительство Северной области, интервенция, Карельский полк, Карельская Трудовая Коммуна.

Гражданская война была одним из наиболее драматичных эпизодов в истории Российской Карелии – как, впрочем, и всей страны. На протяжении четырех лет на сравнительно небольшой территории Карелии (*в статье под Карелией подразумеваются районы, населенные карелами. – Прим. ред.*) с переменным успехом сражались несколько вооруженных сил: интервенционные войска Антанты и белая армия, сформированный из красных финнов Мурманский легион и Карельский отряд, российские большевистские и финские добровольческие подразделения. Находившимся в фокусе этого противостояния карелам приходилось вырабатывать стратегии защиты от агрессивного давления противоборствующих сторон, выбирать линию политического поведения. Изучение этого сложного, прихотливого исторического полотна далеко не завершено, а точнее говоря – находится лишь в срединной фазе. Начнем наше изложение с небольшого историографического очерка.

Историография вопроса

Изучение Гражданской войны в Карелии с самого начала подразделялось на финскую и советскую (позже – российскую) историографические традиции, между которыми на протяжении десятилетий существовал глубокий и вполне объяснимый разрыв¹. События 1918–1922 гг. в карельских регионах интерпретировались в финских и советских исследованиях с различных позиций, да и назывались по-разному. Если финские историки именовали военные действия в регионе, проходившие с финским участием, «heimosodat» (племенные войны) или карельским освободительным движением, подчеркивая их национальную составляющую, то советские ученые рассматривали эти события как один из эпизодов классовой борьбы, причем всегда исходили из априорной исторической правоты большевиков. Ведущий специалист по истории Гражданской войны на Севере В. И. Голдин справедливо отмечает, что изучался главным образом советский лагерь, а «доминирующей тенденцией в освещении противников большевиков было не объективное расследование, а их разоблачение» [Голдин 2000: 14].

В эту парадигму вписываются почти все советские исследования, посвященные Гражданской войне в Карелии. Однако историография 1920-х гг. несколько выделяется из общей картины. В это время жесткая историческая схема еще не была сформирована, и историографический массив отличался относительным разнообразием. Кроме того, важную роль в изучении послереволюционных событий играла созданная в 1920 г. Комиссия по изучению истории Октябрьской революции и коммунистической партии (так называемый Истпарт), занимавшаяся сбором, изучением и изданием материалов по истории Гражданской войны [Шерман 1964: 9]. Местные отделения Комиссии собирали и издавали материалы на местах; карельский Истпарт был создан в 1923 г. [Терещенков 2010: 24]. Итогом работы Истпарта стало формирование объемного корпуса источников и их частичная публикация, а также издание исторических работ, авторами которых зачастую являлись участники событий. Несмотря на их неизбежную тенденциозность, эти работы содержали

¹ Отдельный и довольно скромный блок представляли собой воспоминания западных участников событий и работы западных русистов, на которых мы не будем заострять внимание в этой статье. Главным образом, эти работы касались интервенции Антанты на Русском Севере. См., напр.: [Maynard 1928; Ullman 1961; Swettenham 1967]. Особняком стоят работы английского историка Ника Барона, к которым мы обратимся позже, и недавно защищенная в Глазго диссертация Алистера Райта «Установление власти большевиков на российской периферии: Советская Карелия, 1918–1919» [Wright 2012].

значительные массивы фактологического материала, еще не прошедшего «шлифовку» более поздними историческими схемами. Относительная свобода и хорошее знание авторами «фактуры» давало им возможность показать мотивации и действия различных противостоявших друг другу сторон (см., напр.: [Правда о разбойничьем набеге 1922; Богданов 1927; Соколов-Страхов 1927; Хропов 1930, 1933; В боях 1932].

Так, воевавший в рядах большевиков местный житель Г. Х. Богданов в своей статье дает широкую картину событий в Беломорской Карелии, подробно и почти беспристрастно рассказывая о создании и деятельности Карельского отряда, показывая мотивацию его участников и помогавших им карельских крестьян, заключающуюся, прежде всего, в страхе перед надвигающимся голодом. «Поэтому, – подчеркивает Богданов, – большинство населения ждало помощи откуда бы то ни было. И когда появился отряд, то население встретило его с распростертыми объятиями» [Богданов 1927: 12].

Выходец из крестьян, Богданов точно характеризует их психологию и мотивации. Например, описывая политические разногласия крестьян и возникавшие в их среде различные проекты будущего (отделение от России, присоединение к Финляндии и пр.), он справедливо подчеркивает отсутствие у них сформировавшихся политических воззрений: «Нужно сказать, – отмечает он, – что сознательного отношения к этому делу у большинства крестьян не было. Они лишь инстинктивно тянулись к Советам...» [Там же: 11]. Как справедливо отмечает А. Осипов, работа Богданова «оставалась долгое время чуть ли не единственной, посвященной Ухтинскому правительству и сепаратистским настроениям крестьян, так как в советской историографии эта тема была предана забвению» [Осипов 2006: 9].

Участником Гражданской войны в Карелии являлся и И. Н. Хропов, посвятивший несколько сочинений анализу событий, происходивших в карельских волостях в 1921–1922 гг. [Хропов 1929, 1930, 1933]. Особый интерес представляет его критический отзыв на работу К. И. Соколова-Страхова «Зимняя компания в Карелии 1921–22 гг.». В этой небольшой статье Хропов излагает историю «карельского вопроса», справедливо объясняя истоки и причины финской экспансии в Восточную Карелию сформировавшейся еще в XIX в. идеей «Великой Финляндии», которая включала бы в себя карельские регионы. Вместе с тем он увязывает события в Карелии и с обстоятельствами финской внутренней политики и Гражданской войны, давая, таким образом, широкую геополитическую рамку событий в карельских регионах России.

Стоит добавить, что несколько работ в 1920-е гг. было посвящено интервенции союзников на Север и деятельности белого правительства Е. К. Миллера, однако, как правило, сюжеты, связанные с Карелией, в них присутствуют в очень малой степени [Англичане на Севере 1926; Минц 1931, 1933]. Уникальным явлением стала публикация в СССР воспоминаний участника белого движения на Севере генерала В. В. Марушевского, в которых содержатся сюжеты, связанные с деятельностью Карельского отряда, впечатления от пребывания автора в Реболах (в ту пору принадлежавших Финляндии) и сведения о переговорах Марушевского с Маннергеймом [Марушевский 1930].

Как видим, в 1920-е – начале 1930-х гг. были собраны и частично опубликованы интервью и воспоминания участников событий, сохранившиеся, несмотря на самоцензуру, живое дыхание времени. Впоследствии, уже в конце 1980-х гг., этот материал, будучи беспристрастно проанализирован, стал одним из важных источников для построения многомерной модели событий Гражданской войны (см., напр.: [Дубровская 2005а, б, 2009]). Однако к середине 1930-х гг. в советской исторической науке произошли коренные изменения, и сформировавшаяся концепция Гражданской войны сделала невозможным любое отклонение. Наступила эпоха сталинского «Краткого курса», который на долгие годы подчинил исторический анализ примитивной схеме.

В этой схеме вся история революций 1917 г. и последующих событий представлялась как движение большевистской партии к заслуженной победе. Гражданская война определялась «Кратким курсом» как результат интервенции Антанты, поддержанной контрреволюционными белыми силами. Естественно, что национальное движение карелов по этой логике интерпретировалось лишь как результат усилий «белофиннов», а процессы имущественной сегрегации, происходившие в крестьянской среде и ставшие одной из коренных причин Гражданской войны в деревне, оставались за бортом этой схемы. И хотя в послевоенное время активно издавались документы и воспоминания, писались монографии, на протяжении многих лет эти публикации являлись результатом строгой селекции материала и четко встраивались в прокрустово ложе «Краткого курса».

В предвоенной финской историографии также сформировались определенные схемы. Они были обусловлены как завершавшимися процессами формирования финской нации, сопровождавшимися торжеством националистической идеологии, так и господствовавшей жестко антисоветской официальной линией. Идеология финского национализма опиралась, в числе прочего, на мечту о возрождении «Великой Финляндии»,

частью которой должны были бы стать территории Российской Карелии (см. об этом: [Jääskeläinen 1961; Churchill 1970; Nygård 1978], см. также: [Витухновская 2006: 22–33]). Именно стремление к воплощению в жизнь этого политического конструкта обусловило походы финских добровольческих частей в Олонецкую и Беломорскую Карелии в 1918 и 1919 гг., а также помощь финских бойцов в карельском восстании 1921–1922 гг. Неудивительно, что многочисленная литература о «племенных войнах» отражала финский националистический дискурс и повествовала о походах финских освободителей в братскую Карелию. Каждое из этих сочинений носило отчетливую антибольшевистскую и, как правило, антирусскую окраску.

Как и в Советской России, в Финляндии собирали воспоминания и интервью организаторов и активных участников добровольческих походов. Часть из этих материалов была опубликована (см., напр.: [Kianto 1918; Kivinen 1919; Viklund 1919; von Hertzen 1921; Kempainen 1927; Ilmarinen 1927, 1931; Marttina 1935]). Не менее ценными для последующих историков стали воспоминания, интервью или материалы допросов российских карелов, бежавших во время или после Гражданской войны в Финляндию. Подобные материалы, отражающие идейные установки и стратегии антибольшевистской крестьянской массы, почти не сохранились в советских архивах. В совокупности с другими материалами, представленными в финских архивах, эти источники дают редкую возможность увидеть все спектры противостоявших друг другу в Карелии политических сил.

Накал страстей в годы Второй мировой войны обострил заочную дискуссию советских и финских историков, превратив исторические изыскания в пропагандистский ресурс². Однако резко изменившаяся после войны расстановка политических сил внутри Финляндии привела к изменениям в финском историографическом поле. Идеологическая детерминированность сменилась в исследованиях историков стремлением к объективному показу роли Финляндии в Гражданской войне в Карелии. В исследовании Мауно Яаскеляйнена заново и беспристрастно был освещен «восточнокарельский вопрос» как часть программы финской национальной экспансии, а также показаны различные попытки осуществления этой программы вплоть до 1923 г. [Jääskeläinen 1961]. Тойво Нюгорд

² Наиболее показательным сочинением в этом смысле стала созданная Тойво Каукоранта хронология освободительной войны российских карелов, в которой автор собрал краткую информацию обо всех известных финских и карельских антибольшевистских выступлениях с 1917 по 1922 г. [Kaukoranta 1944].

посвятил монографию концепции «Великой Финляндии». Значительная часть его работы посвящена функционированию финских национальных активистов в Российской Карелии [Nygård 1978].

Английский (ныне канадский) историк Стэйси Черчилль, много работавший в Финляндии, первым дал глубокий и многосторонний анализ тех стратегий и проектов, которые появлялись в Российской Карелии в послереволюционные годы (1917–1922). Работа Черчилля «Судьба Восточной Карелии, 1917–1922» во многом является пионерской – используя широкий архивный материал из финских и английских архивов, исследователь скрупулезно показывает, как карелы, оказавшиеся в эпицентре борьбы разнонаправленных политических и военных сил, воспринимали происходящее и разрабатывали свои стратегии. В центре внимания Черчилля – вопрос самоуправления карельского региона, который в разных формах и вариантах стоял на повестке дня на всем протяжении этого периода. Одним из первых Черчилль анализирует взгляды и настроения крестьян разных уездов и волостей, предпринимая попытку понять и объяснить мотивацию решений и поступков карельского населения [Churchill 1970].

Серьезным прорывом в финской историографии «племенных войн» стали две работы Йоуко Вахтола, посвященные финским добровольческим походам в Российскую Карелию [Vahtola 1988, 1997]. Вахтола впервые рассматривает оба похода (в Беломорскую Карелию в марте – октябре 1918 г. и в Олонецкую Карелию в апреле – сентябре 1919 г.) и попытки решения «карельского вопроса» в широком геополитическом контексте, включающем в себя политические и идейные основания принимавшихся в Финляндии решений, стратегии заинтересованных стран (прежде всего Германии и Великобритании), внутрироссийское политическое и военное противостояние и, что особенно важно, ситуацию внутри карельских регионов. Используя сведения финского генерального штаба и протоколы крестьянских сходов, Вахтола показывает всю сложность и неоднозначность отношения карельского крестьянства к финским «старшим братьям» и их стремлению присоединить Карелию к Финляндии. Последующие работы финских историков о «племенных войнах» носят обобщающий характер и уступают в скрупулезности исследованиям Вахтола [Niinistö 2005; Harjula 2007].

Нельзя не отметить также ряд других монографических исследований, таких как работа Юкки Невакиви об истории так называемого Мурманского легиона [Nevakivi 1970], а также диссертационные исследования Пекки Кауппала и Маркку Кангаспуру о стратегиях и практиках большевистской

власти в отношении карельского населения и карельской государственности [Kauppalä 1992; Kangaspuro 1996]. Стоит отметить, что в отличие от большинства упомянутых финских историков, не работавших с советскими архивными собраниями, два последних исследователя ввели в оборот широкий спектр материалов из советских/российских архивов.

Послевоенные советские историки, продолжавшие находиться в рамках заданной «Кратким курсом» концепции Гражданской войны, не могли принципиально изменить исследовательские подходы, но с 1950-х гг. ими была начата систематическая публикация источников (см. напр.: [Борьба за установление 1957; В борьбе за власть Советов 1957; За Советскую Карелию 1963; Карелия в период гражданской 1964; Карелия в период восстановления 1979]). Отбор источников был, конечно, «пробольшевистским»³. Сборники документов не были репрезентативными и не могли представить всесторонней картины исторических событий, однако этот материал оживлял и разнообразил привычную схему, давал предпосылки для дальнейшего усложнения оптики исследовательских подходов.

Послевоенные исследования советских историков строго следовали сложившейся к тому времени историографической схеме: зачинателями Гражданской войны являлись внешние силы (интервенты и «белофинны»), которые получили поддержку внутренних «контрреволюционных элементов» [Гардин 1947; Сюкийнен 1948; Хесин 1949; Машезерский 1957, 1978; Шумилов 1957, 1973; За советскую Карелию 1963; Карелия в период гражданской 1964; Балагуров 1973; Киселев, Климов 1977]. Интересы народа выражали большевики, авангардом которых являлись революционные рабочие (поэтому в центре внимания авторов находилась деятельность Советов). Карельскому крестьянству в этой схеме места почти не находилось, в лучшем случае о нем писалось как о некоей сочувствующей большевикам молчаливой массе; исключением являлись союзники интервентов и «белофиннов» – кулаки. Деятельность Карельского отряда и планы волостей Беломорской Карелии об отделении от России нашли отражение только в монографии В. И. Машезерского «Победа Великого Октября и образование автономной Советской Карелии», в которой широко использовались материалы исследования Черчилля и еще нескольких финских историков. Но это уже была другая эпоха – в 1970-е гг. советские историки частично получили доступ к финской исторической литературе.

³ Об этом свидетельствуют просмотренные автором многочисленные материалы, сформированные советами или большевистскими ячейками карельских волостей периода Гражданской войны, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия.

Особо следует сказать о важном для нашей темы сочинении, хотя и не относящемся к разряду научных, – это роман карельского писателя Николая Яккола «Водораздел», первая часть которого «На берегах Пирттиярви» появилась в 1949 г. [Jaakkola 1949]⁴. Значение романа для понимания Гражданской войны в Карелии огромно. На примере жизни небольшой отдаленной севернокарельской деревни Пирттиярви (прототипом являлась родная деревня автора Кивиярви – Каменное озеро) показывается вся сложность исторических процессов, проходивших в Беломорской Карелии. Перед нами, по сути дела, пример произведения в жанре микроистории. Неумолимая логика исторических событий разводит членов нескольких карельских семей по разным политическим лагерям, бросает в воюющие между собой подразделения. Автор показывает всю трагичность положения карельского крестьянина, попавшего между жерновов истории. Роман Н. Яккола стал на долгие годы единственным правдивым изданным в СССР произведением о Гражданской войне в Карелии, являя собой прямую противоположность современным ему историческим сочинениям, по-прежнему вторившим черно-белым схемам «Краткого курса».

Как мы упомянули, к 1970-м гг. советские историки получили возможность знакомиться с новыми финскими исследованиями. Появились работы нового типа, и классическим примером таких исследований является не утратившая и поныне своей ценности монография В. М. Холодковского, посвященная финско-советским отношениям 1918–1920-х гг. [Холодковский 1975]. В этой монографии Холодковский анализирует политические взаимоотношения между странами на фоне широкой панорамы европейской политики, показывает механизмы принятия решений как финским, так и советским правительством. В представленную им многослойную картину вплетается и анализ ситуации в карельских регионах, принципиально отличавшийся от общепринятого.

Приведем один пример. Если один из ведущих карельских исследователей В. И. Машезерский в монографии того же периода традиционно рисовал основной конфликт внутри карельских регионов как борьбу «трудовых масс карельского крестьянства против белофинских захватчиков» [Машезерский 1978: 42], то В. М. Холодковский совершенно справедливо констатировал: главным обстоятельством, влиявшим на выбор крестьянами союзников и политической линии, был продовольственный

⁴ Первое издание романа вышло на финском языке, а в переводе на русский язык он был издан в 1972 г. Первое полное издание на русском языке: [Яккола 1972]. Полное финское издание: [Jaakkola 1977].

вопрос. Он пишет: «Временные симпатии голодного карельского крестьянства поворачивались в ту сторону, откуда могло прийти быстрое спасение от голода» [Холодковский 1975: 65]. Справедливость этого вывода подтверждается более поздними исследованиями.

Смелые подходы Холодковского опередили свое время. Только в постперестроечное время историки приступили к пересмотру старых историографических схем. Произошел, в частности, принципиальный прорыв в истории Гражданской войны в России, в российских исследованиях начали проясняться значение, роль и мотивации каждой из множества противоборствовавших сил, была выработана концепция крестьянской революции, которая, в частности, показала, сколь сложным и разнонаправленным было крестьянское движение⁵. Были опубликованы тысячи документов, дающих емкое представление о жизни послереволюционной деревни [ВЧК-ОГПУ 1995; Советская деревня 1988–2005; Крестьянское движение 2002]. Новые веяния коснулись и изучения Гражданской войны в Карелии. Серьезным шагом вперед стали статьи К. В. Гусева и С. Безбережьева, работы Ю. Килина и Е. Дубровской, а также диссертации А. Левкоева и А. Осипова [Безбережьев 1993; Гусев 1996; Левков 1995а, б; Килин 1999, 2012; Дубровская 2000, 2009, 2010; Осипов 2006]. Общей чертой этих исследований стал принципиальный отрыв от прежней советской историографической концепции. Для работ последних четырех авторов характерно, кроме того, широкое использование дотоле неизвестных российским историкам финских архивных собраний.

«Первой ласточкой» можно считать публикацию С. Безбережьевым подробного рапорта, составленного в июне 1920 г. генералом Н. А. Ключевым и посвященного его переговорам с Временным Карельским правительством (обычно называемым в документах Тоймикунта – Комитет). Ключев подробно описывает обстановку в «столице» региона, Ухте, настроения членов Тоймикунты и жителей девяти отделившихся волостей. Впервые в российской историографии появляется материал, содержащий неприязненное, но точное описание первого карельского квазигосударства. Опубликованная три года спустя статья К. В. Гусева стала первым исследованием, в котором автор прямо заявил о необходимости пересмотра исторической концепции Гражданской войны в Карелии. Гусев предложил отказаться от представления о крестьянских протестах как о «кулацких мятежах», а о Временном карельском

⁵ В. П. Данилов писал: «Крестьянская революция оставалась основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. – до 1922 г. включительно» [Данилов 1992: 319]. См. также: [Данилов, Шанин 1994].

правительстве – как об избранном «кулацким съездом». Автор показывает, что причиной крестьянского восстания 1921–1922 гг. и более ранних антисоветских выступлений была прежде всего непродуманная политика местных властей. События 1921–1922 гг. Гусев предлагает характеризовать не как «белофинскую авантюру», а как крестьянское восстание, подержанное большей частью местного населения.

А. Левкоев впервые показал противостояние «красных финнов» и «русско-карельской оппозиции» на раннем этапе существования Карельской Трудовой Коммуны и тесную связь этого противостояния с настроениями и стратегиями карельского населения. В его диссертации рассматривается, как Карельское восстание 1921–1922 гг. повлияло на внутреннюю политику КТК [Левкоев 1995а: 14].

Монография Ю. Килина о карельской политике советского государства в 1920–1941 гг. внесла много нового в понимание финальных событий Гражданской войны в Карелии. Исследователь констатировал, в частности, что «северо-запад бывшей Российской империи весной 1918 г. превратился в арену противостояния разнородных сил», причем «интересы этих сторон были столь противоречивы, что возникали самые необычные комбинации сил» [Килин 1999: 27]. Автор решительно порывает с «большевистскоцентричной» картиной противостояния, предлагая разобраться в сложной системе взаимоотношения этих сил, выделяя при этом в качестве важной составляющей карельское националистическое движение.

Значительный вклад в рассматриваемую тему был внесен серией статей Е. Дубровской, посвященных различным формам и стадиям национальных движений и образований карелов в годы Гражданской войны. Дубровская использовала ранее неизвестные архивные материалы, в том числе собрание карельского истпарта, представляющее собой главным образом воспоминания участников карельских национальных формирований⁶. Одной из первых в России она обратилась и к архивным собраниям Финляндии. Именно в ее работах впервые была описана история Карельского отряда, а также даны мини-портреты главных участников событий, таких, как один из организаторов Карельского отряда, рано погибший Ииво Ахава. Исследованиям Дубровской свойственны новые подходы – обращение к проблематике исторической памяти, гендерным проблемам и истории повседневности.

⁶ Воспоминания и интервью карелов – участников «Карельского полка» хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН 1), а также в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК 1), в фонде писателя Яакко Рутева, собиравшего материалы по Гражданской войне в крае (Ф. Р-3716).

Наконец, кандидатская диссертация А. Осипова стала неким подведением итогов, обобщением и углублением всего достигнутого в постсоветский период. Его работа отличается широкой источниковой и историографической базой. Осипов, вслед за Дубровской и финскими историками, «спускается на микроуровень», впервые вводя в оборот, помимо общегубернских, материалы волостных и уездных исполкомов, военревкомов и парткомов, позволяющие понять, какие процессы шли в каждой деревне или волости. Подобный подход очень полезен именно для исследования такого феномена, как Гражданская война, которая представляла собой противоборство не только политически детерминированных «сверху», но и стихийно возникающих «снизу», в народной гуще, сил.

Как видим, российская историография Гражданской войны в Карелии, отказавшись от жестких и идеологически детерминированных схем предыдущего периода, сделала серьезный рывок вперед, применяя новые подходы и рассматривая события этого периода во всей их сложности и противоречивости. В рамках этого обзора невозможно было упомянуть всех – например, за его границами остались новые исследования, связанные с Гражданской войной в границах Архангельской губернии и приграничных регионов (см. напр.: [Голдин 1993, 2000; Новикова 2011]). Мы не упомянули также основательный раздел новой «Истории Карелии» [История Карелии 2001: 342–440], посвященный революции и Гражданской войне, в котором, с нашей точки зрения, соединились старые советские подходы («большевистскоцентричность»: красные войска, например, определяются как «наши силы»; продолжает использоваться термин «белобандиты», и пр. [История Карелии 2001: 421]) с попытками нового взгляда на проблему, в частности анализа освободительного карельского движения, и т. д. Нельзя не упомянуть труды британского историка Н. Барона, сыгравшие важную роль в изучении событий периода Гражданской войны в Карелии, а также недавно защищенную диссертацию Алистера Райта об установлении советской власти в Карелии [Baron 2007a, b; Барон 2013; Wright 2012]. В целом, как нам кажется, происходит отрадное сближение финского, российского и других национальных историографических полей, нащупываются попытки выработать единые подходы к одной из наиболее трагических страниц в истории Карелии⁷.

Тем не менее финские и российские исторические изыскания могли бы в большей степени дополнять и взаимообогащать друг друга. Назрела

⁷ В качестве одного из примеров «сближения» с финской стороны стоило бы назвать работу Мирко Хартюла [Hartjula 2007], в которой автор широко использует материалы российских исследований, вплоть до самых последних.

необходимость написания фундаментальной истории Гражданской войны в Карелии, которая включала бы в себя как широкий геополитический контекст событий, так и истории различных карельских, русских и вепсских регионов – волостей и уездов. К такой работе имеются все предпосылки. И в Финляндии, и в России есть исследователи, владеющие обоими языками и знакомые с литературой и источниковой базой. Смешанная исследовательская группа была бы способна в комплексе рассмотреть и обобщить богатейшие материалы, содержащиеся в архивных собраниях России и Финляндии. Рассмотрение этих архивных пластов по отдельности может привести (и неоднократно приводило) лишь к односторонним выводам.

Карельский регион в 1917 г.

После Февральской революции по всей России активизировались национальные движения. Толчком послужила отмена Временным правительством дискриминационных ограничений для меньшинств и уравнивание всех граждан страны в их правах. На национальных окраинах начали осуществляться различные националистические проекты. Поначалу, когда власть Временного правительства была относительно сильна, требования меньшинств ограничивались, как правило, различными формами национально-культурных автономий (см. об этом: [Красовицкая 2015]).

Карельские регионы Олонецкой и Архангельской губернии не остались в стороне от мощных центробежных процессов, охвативших империю. Дополнительной причиной активизации здесь общественного движения стало резкое ухудшение экономической ситуации. Сельское хозяйство Карелии страдало от нехватки рабочих рук – в результате массовых мобилизаций деревня лишилась 47 % трудоспособного мужского населения. Посевные площади в Карелии сократились к 1917 г. на 38 % в сравнении с 1913 г. Были закрыты или работали с недогрузкой многие лесопильные заводы, свертывались лесозаготовки, – а значит, крестьяне теряли возможность получить необходимый им дополнительный прирботок. Деревня нищала [История Карелии 2001: 316–317, 321].

В этих условиях активизировался созданный еще в 1906 г. Союз беломорских карел – первая карельская националистическая организация, организованная усилиями финских национальных активистов и проживавших в Финляндии карельских купцов. Союз был преобразован в Карельское просветительское общество, это означало, что его деятельность будет распространяться не только на Беломорскую,

а и на Олонецкую Карелию. Так карельский национальный проект обновился, приобретя общенациональный масштаб.

В мае депутация Союза посетила Петроград и обратилась к Временному правительству с адресом «За Карелию Архангельской и Олонецкой губернии», в котором выдвигались требования элементов национально-культурной автономии: «введение родного языка местного населения в церквях и школах», назначение чиновников, знающих язык народа, и создание для этого учебных заведений. В число требований входили также прокладка дорог в регионе, а кроме того, учреждение комиссий для подготовки местных экономических реформ, издание богослужебных книг и учебников и пр. [Ranta 1997: 116]. Началась подготовка к народному собранию представителей карельских волостей в селе Ухта. Были отпечатаны тысячи агитационных листов на южнокарельском (ливвиковском) диалекте, на русском и финском языках, а в регионы Карелии отправлялись агитаторы-эmissары, которые должны были проводить беседы с народом, а заодно собирать сведения о настроениях в обществе. Сформировалась группа учителей для открытия в Карелии финских передвижных школ⁸.

Деятельность Карельского просветительского общества далеко не всегда встречалась в карельских регионах с одобрением. Большая часть карельских крестьян считала его деятелей эmissарами Финляндии, стремящейся расширить на Карелию свое влияние и в идеале присоединить ее к себе, и относились к этому отрицательно. 21 мая 1917 г. съезд крестьянских депутатов Повенецкого уезда, «выслушав сообщение об активизации работы просветительского общества, вынес постановление принять решительные меры по пресечению подобной деятельности» [Дубровская 2000: 89]. Земский деятель из Ребол Федор Нечаев писал деятелю Общества Алексею Митрофанову (Митро) летом 1917 г.: «Как-никак, а всё же русское влияние сильно проявило себя здесь у нас в Карелии, и, присоединившись бы к финнам, [мы] должны бы были снова ломать всю жизнь, а что создали бы?». «Да! – констатирует Нечаев, – повторяю, между финнами и корелами большая пропасть, и думается, что заделывать ее не напрасный ли труд?» [КА 2]. Эmissар Общества В. Петров, проехавший по волостям Олонецкой Карелии, в рапорте от августа 1917 г. подчеркивал, что «большая часть народа – ничего не знающий элемент.

⁸ [КА 1]. Елена Дубровская отмечает, что в 1917/18 учебном году в приграничных с Финляндией карельских волостях было открыто более десятка школ с преподаванием на финском языке; общее количество учащихся в них превысило 400 человек [Дубровская 2000: 89].

цепляется за свое прежнее состояние и верит в „Великую Россию“, каким бы положение ни было» [Churchill 1970: 35–36].

Анализируя национальные и политические стратегии, выбиравшиеся карельским населением, необходимо помнить, что карельский регион не был однороден ни в экономическом, ни в культурном, ни в этническом отношении⁹. Важную роль в каждом конкретном случае играл уровень экономических связей с финскими либо с российскими центрами. Так, пограничные районы Кемского уезда и северной части Олонецкой губернии¹⁰ экономически тяготели к западной соседке – отсюда уходили торговать в Финляндию сотни карельских разносных торговцев. Другим крестьянам давали работу финские лесные предприятия. Жители приграничных районов, почти не связанных инфраструктурно с Россией, приобретали в Финляндии продукты и повседневные товары. Другая часть карельского населения была экономически ориентирована на Петрозаводск и Петербург. Это относится, прежде всего, к населению Петрозаводского и Олонецкого уездов Олонецкой губернии. Проживавшие здесь карелы в массе своей лучше знали русский язык и были хорошо знакомы с русскими реалиями. Однако к лету 1917 г., когда становилось все яснее, что ожидаемые перемены не происходят, власть слабеет и ситуация усложняется, даже в этих ориентированных на Россию регионах стала укореняться мысль о необходимости карельской автономии.

Как справедливо отмечает Т. Ю. Красовицкая, именно в условиях нестабильности этнос выступал как аварийная группа поддержки, могущая обеспечить экономические и политические преимущества. Принадлежность к группе соплеменников давала человеку чувство защищенности [Красовицкая 2015: 68–69]. Поэтому идея автономии все глубже проникала в сознание карелов. Упомянутый Федор Нечаев, сторонник пророссийского курса, высказал летом 1917 г. полное одобрение идее автономии. Он писал: «Да, уважаемый А. Митрофанов, теперь Вы взяли правильный курс! Выйдет или не выйдет что-либо из этого движения, пока судить преждевременно, но знайте, что Ваше имя станет дорогим всем карелам! Идея о самоуправлении Карелии очень скоро стала здесь распространяться и нашла массу сторонников. ... Развезжая часто по Повенецкому уезду, я много веду с жителями беседы по волнующему меня вопросу, и часто нахожу людей, сочувствующих Вашей идее» [Там же].

⁹ Об этническом структурировании карельского населения см.: [Прибалтийско-финские народы России 2003: 160–197].

¹⁰ Олангская, Тихтозерская, Вокнаволоцкая, Кондокская и Ухтинская волости Кемского уезда и Ребольская и Поросозерская волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии.

Итак, летом 1917 г. проект карельской национальной автономии обрел сторонников. Об этом свидетельствует, в частности, в своих воспоминаниях финский национальный активист Юхо Альфред Хейкинен (более известный по прозвищу «дед из Халла»), который описывает дискуссии, в которых он участвовал в Беломорской Карелии летом 1917 г. Большинство карелов, свидетельствует Хейкинен, выступало за объединение Беломорской и Олонецкой Карелий в отдельную автономию и не одобряло идеи присоединения к Финляндии [Kokko 1939: 246–247]. 14 июня 1917 г. вопрос об автономии Карелии был вынесен на чрезвычайное заседание Олонецкого губернского земства и вызвал «большие прения», захватившие и следующий день. Гласные, впрочем, отвергли идею автономии большинством голосов [Вестник 1917: 20]. Однако собравшийся через месяц, 12–13 июля 1917 г., Ухтинский съезд, в котором участвовала, лично или через депутатов, треть населения Беломорской Карелии – до 9 тыс. человек, высказался за создание самоуправляющегося карельского региона внутри России.

Планируемая автономия должна была быть названа Карельская административная область или Карельско-Северная административная область. Ее границы должны были проходить на юге по реке Свири, на востоке по Онежскому озеру, Выгозеру, реке Выг и Белому морю, на севере – по линии, соединяющей Кандалакшский залив и финляндскую границу, а на западе – по границе с Финляндией и Ладожскому озеру. Разграничение полномочий предлагалось такое: общими с Россией будут финансовые, почтовые, военные и судебные дела, тогда как все остальные стороны жизни будут подчиняться областной администрации. На той же территории предполагалось создать Карельскую епархию.

Автономное положение, по мнению собрания, дало бы возможность учредить самоуправление и использовать богатства края в интересах его населения. В решениях Ухтинского съезда значится: «Так как земледелие области вследствие неблагоприятного климата и скудной почвы и за неимением путей сообщения не окупается и не будет окупаться без помощи скотоводства, лесоводства и прочих промыслов, то необходимо, чтобы внутри области все земли с лесами и со всеми возможными природными богатствами и все озерные и речные воды с порогами, как и прибрежные части морей, уступались бы без вознаграждения на вечные времена в народное владение...»¹¹.

¹¹ Русскоязычный экземпляр протокола съезда хранится в Научном архиве Карельского научного центра РАН [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 61]. Финноязычная версия хранится в архиве Министерства иностранных дел Финляндии [UA 1].

Необходимо напомнить, что аналогичные съезды с похожими решениями проходили в 1917 г. почти во всех национальных регионах России. «Требования автономизации, – пишет исследователь аналогичных процессов в Молдавии, – становились привлекательны по мере того, как массы уставали от политической смуты, от некомпетентности и неповоротливости Центра» ([Шорников 2007: 220], цит. по: [Красовицкая 2015: 59]). Однако вплоть до большевистского переворота национальные регионы (за редким исключением) не ставили вопроса об отделении от России. Национальная автономия рассматривалась прежде всего как средство активизации экономического развития регионов, дающее возможность их жителям самим влиять на экономическую и культурную политику.

Карельский крестьянин в годы Гражданской войны, 1918–1922 гг.

К декабрю 1917 – январю 1918 г. советская власть широко распространилась в населенных карелами уездах. В Петрозаводске власть перешла в руки Совета 4 января 1918 г. [Машезерский 1978: 29]. Постепенно в большинстве населенных пунктов были распущены губернские и земские учреждения, которые повсеместно заменялись комиссариатами и Советами. При этом, как справедливо подчеркивает Сергей Яров, «многие крестьяне не воспринимали Советы как некие совершенно новые органы. Они оценивались ими, скорее, как преемники прежних структур власти» [Яров 2014: 15]. Это объясняет ту легкость, с которой многие крестьянские общества заменяли земства Советами.

Начиная с зимы 1918 г. ситуации в Олонецкой и Архангельской Карелии складывались по-разному. В Олонецкой губернии политика продовольственной диктатуры, которую принялись осуществлять большевики в деревне в связи с надвигавшимся голодом, взорвала ситуацию уже весной 1918 г. Угроза голода была вообще одним из важнейших факторов на всем протяжении Гражданской войны в Карелии. Летом 1917 г. в России был плохой урожай, и, кроме того, земельные районы, кормившие ранее всю страну (Украина, Сибирь, юг России), были в руках противников советской власти [Кондрашин 2009: 88–89]. Председатель исполнительного комитета Олонецкого уездного совета М. Чубриев вспоминал, что уже с января 1918 г. продовольственный вопрос ухудшался с каждым днем. В мае 1918 г. «в Туломозерской волости на границе с Финляндией уже 2½ месяца питались овсяной мукой пополам с опилками и мхом» [Речь М. Чубриева 1918].

В июне 1918 г. были созданы комбеды, в задачи которых входило, в частности, изъятие «излишков» хлеба у зажиточных крестьян. Не стесненные никаким законодательством и контролем, они самочинно налагали

контрибуции, вводили новые налоги, и жертвами их деятельности оказывались часто не только зажиточные жители деревень, но и люди среднего достатка [Осипов 2006: 86, 88–89]. Опирались комбеды на бедняков, и в результате деревня раскололась. Конфликты между односельчанами становились все жестче, атмосфера – все накаленнее [Осипов 2006: 79–80].

Документы свидетельствуют о начавшихся в деревнях Олонецкой губернии процессах классовой сегрегации. В Национальном архиве Финляндии хранятся воспоминания покидавших свои села крестьян, которые не могли вынести политики продовольственной диктатуры. Например, в интервью карельского беженца из д. Пяльозеро А. Ольшина (Ольшайнена) читаем: «Революция пришла и грабежи. Тогда стали облагать сильно, [мы] платили и платили, пока не содрали всё. [Мы] сопротивлялись большевикам. [Нам] угрожали посадить в тюрьму. Было собрание, на котором опять угрожали. ... Предстояло собрание – деньги отнимать. [Мы] сопротивлялись, не будем платить. Угрожали винтовкой» [КА 3]¹². Повествование Ольшина завершается рассказом о драке части деревенских с большевиками на собрании, о побеге нескольких человек в лес, а потом – в Финляндию.

По схожему сценарию складывались события 10–12 июня 1918 г. в Олонце и волостях Олонецкого уезда, получившие впоследствии название Олонецкое восстание [АУ ФСБ РК]¹³. Как и в описанном Ольшиным случае, местом конфликта стало собрание представителей «имущих классов», на котором обсуждались непосильные налоги и нехватка зерна (после его изъятия хлеба оставалось лишь на один месяц), а также слухи об увеличении количества красноармейцев в уезде – на их пропитание приходилось расходовать последние запасы зерна. Разгоряченные дискуссией участники собрания обнаружили спрятавшихся за занавесом и выпивавших красноармейцев, начался скандал, раздались выстрелы. Красноармейцы были арестованы, посажены в тюрьму, начались беспорядки. Восстание удалось подавить только после прибытия Гатчинского полка. Нельзя не отметить, что столкновения с красноармейцами по тому или иному поводу были одной из наиболее типичных причин крестьянских восстаний на всей территории России (см. об этом, напр.: [Яров 1999: 31–34; Осипова 2001: 113–163]).

Последней каплей стала проводившаяся зимой – весной 1918 г. принудительная мобилизация, в связи с которой в волостях с карельским насе-

¹² Перевод автора.

¹³ О событиях Олонецкого восстания рассказывается также в воспоминаниях сына одного из инициаторов восстания Пекки Парнанена: [КА 5].

лением (Ведлозерской, Поросозерской, Рыпушкальской и Сямозерской) произошел ряд протестных крестьянских выступлений [Осипов 2006: 95–96]. Год спустя протесты против принудительной мобилизации не утихали: в мае 1919 г. произошли крестьянские восстания против большевистской мобилизации в Тивдии и Заонежье¹⁴.

Иные процессы происходили в 1918–1919 гг. в Беломорской Карелии. Как свидетельствует участник событий, крестьянин деревни Войница Г. Х. (Ристо) Богданов, начиная с 1917 г. ситуации в Олонецкой и Беломорской Карелиях коренным образом отличались: «Южная Карелия, начиная с 1917 года, была в сфере влияния Временного правительства, а потом советской власти, в то время как Ухтинская Карелия до половины 1920 года была отрезана от Советов. Кроме того, Южная Карелия оставалась непосредственно недостижимой для Англо-Германских интересов» [Богданов 1927: 8]. О том же свидетельствуют в своих воспоминаниях местные крестьяне. Так, крестьянин деревни Кестеньга П. Н. Кемов, вернувшийся домой с войны весной 1918 г., Советов здесь не обнаружил, власть сосредоточивалась в сельских управах [НА КарНЦ РАН 2: 28]. Крестьянин деревни Суднозеро Вокнаволоксской волости Хейкки Лесонен сообщает в воспоминаниях, что весной 1918 г. советской власти во всей волости еще не существовало [НА КарНЦ РАН 3: 52].

Толчком к развитию событий в Беломорской Карелии стал финский «освободительный поход», начавшийся в марте 1918 г. Причиной похода были отчасти внутривнутриполитические обстоятельства, в Финляндии шла гражданская война, красные отряды концентрировались в приграничных районах Карелии [Vahtola 1988: 66–67]. Но наибольшую роль сыграло отношение финских активистов к Российской Карелии как к ирреденте, оторванной части Великой Финляндии. Вершиной и знаковым событием подготовки карельского похода было знаменитое воззвание главнокомандующего финской белой армией Маннергейма, адресованное его воинам и содержавшее призыв «защитить братьев в Беломорской Карелии», изгнав из нее «ленинских солдат и бандитов» [Июффе 2005: 157–158].

Однако в начале 1918 г. военное вторжение Финляндии в пределы России было невозможно: еще шла мировая война, не был подписан Брестский мир, и нападение было чревато конфликтом с Антантой, к чему Финляндия отнюдь не была готова. Этого шага не одобряла и помогавшая ей Германия (см.: [Polvinen 1971: 30; Холодковский 1975: 23–27]). В Беломорскую Карелию были отправлены добровольческие отряды.

¹⁴ Воспоминание участника Тивдийского восстания И. Исакова см.: [Витухновская-Кауппала 2013].

Первый из них, отряд подполковника Карла Вильгельма Мальма пересек границу с Беломорской Карелией 21 марта 1918 г.

Финские добровольческие части ожидали скорого присоединения к ним карельского населения, но этого не случилось. Дневники участников похода, рапорты самого Мальма проникнуты чувством недоумения и обиды: лишь малая часть местных жителей была готова их поддерживать. Так, Мальм писал в Ухте 19 июня 1918 г.: «Народ после кровопролития мировой войны предельно устал. Молодежь, вернувшаяся домой с войны, частично большевистская, частично равнодушная ко всякой политической деятельности. Все же мы заметили в каждой деревне понимание, во всяком случае, некоторыми взрослыми людьми целей нашего похода. Страх исходящей с востока опасности не позволял им сотрудничать с нами. Ни один мужчина не присоединился к нашим войскам»¹⁵.

Но, пожалуй, наибольшее влияние на колебавшихся карелов оказал продовольственный фактор: на Карелию надвигался голод. Теперь, когда северо-запад России оказался отрезанным от ее земледельческих районов, положение Карелии становилось угрожающим. По сути дела, настроения и предпочтения крестьян решающим образом зависели от того, кто даст им хлеба. Финские добровольческие части не только не могли в этом помочь, но и расходовали последние запасы местных жителей. Эти обстоятельства привели к тому, что летом 1918 г. в Кемь под эгидой английского командования был сформирован так называемый Карельский полк, в задачи которого входило изгнание финских формирований из Карелии.

История создания и функционирования Карельского полка хорошо изучена [Churchill 1970: 98–101] и отражена в воспоминаниях как самих участников, так и руководителя отряда, британского полковника Филиппа Вудса, опубликованных Ником Бароном¹⁶. Из этих материалов следует, что «Карельский добровольческий отряд» самоорганизовался в Кемь в конце весны – начале лета 1918 г., сначала под эгидой Кемского Совета, а потом по соглашению с английскими властями, занявшими Кемь [Дубровская 2010]. Со всех волостей Беломорской Карелии в Кемь направились добровольцы, и к августу число бойцов отряда достигло 300 человек. Девизами Отряда (так называли его сами бойцы) были: «Финны, прочь из Карелии!» и «Карелия для карел». По сути дела, в Беломорской Карелии сформировалась национальная крестьянская армия. К октябрю

¹⁵ Suunnitelma, joka ei toteutunut – [КА 7].

¹⁶ Воспоминания участников похода хранятся в Научном архиве Карельского научного центра Российской академии наук: воспоминания И. Ф. Лежоева [НА КарНЦ РАН 4], воспоминания Ф. А. Лесонена [НА КарНЦ РАН 3]. Воспоминания полковника Вудса см.: [Baron 2007b; Барон 2013].

1918 г. Карельский полк полностью вытеснил финские добровольческие отряды с территории Беломорской Карелии, после чего дислоцировался в Кеми и освобожденных волостях, сформировав здесь заграждение вдоль границы с Финляндией.

На волне деятельности Отряда 16–18 февраля 1919 г. в Кеми был созван съезд карелов, на котором присутствовали делегаты как из Беломорской Карелии, так и из нескольких волостей Олонецкой Карелии¹⁷. Съезд одобрил предложение Ииво Ахавы (см. о нем: [Nevakivi 1967]) о провозглашении независимости Карелии и избрал Карельский национальный комитет в составе пяти человек, который должен был подготовить созыв Учредительного собрания карельского народа. Участники съезда постановили также, что карельское государство должно стать демократической республикой, а природные богатства края должны стать достоянием всего народа [Дубровская 2005а: 146]. Позже, 21 июля 1919 г., это решение было утверждено съездом представителей пяти волостей Беломорской Карелии в Ухте, на котором избрали Временный комитет Беломорской Карелии (Тоймикунта), являвшийся по сути его правительством. Было объявлено о выходе Карелии из состава России. Комитет обратился к финскому правительству с прошением о займе и получил субсидию в два миллиона марок для приобретения продовольствия. Этот заем обеспечил волостям, присягнувшим Комитету, стабильное существование, особенно начиная с сентября 1919 г., когда союзники покинули Мурманский край [Jääskeläinen 1961: 257]. Создание своего, независимого ареала посреди бушующей схватки, на развалинах страны было одной из попыток спастись, такой же крестьянской стратегией, как массовое дезертирство и крестьянские восстания.

В то время, когда в Беломорской Карелии возникло непризнанное карельское протогосударство, в Олонецкой Карелии происходили иные процессы. Здесь под влиянием большевиков углублялась классовая сегрегация деревни, и часть населения обратилась за помощью к правительству Финляндии. Две волости Олонецкой Карелии, Ребольская и Поросозерская, действовали наиболее решительно и добились выхода из России.

Первой была Ребольская волость, принявшая решение о присоединении к Финляндии на общем волостном собрании 31 августа 1918 г. На следующий же день были прерваны все связи с Советской Россией и в волость вошли финские войска [Kaukoranta 1944: 45]. На решение ребольцев повлияли давние экономические связи волости с приграничными

¹⁷ Русскоязычный экземпляр протокола Кемского съезда см.: [Документы 2007: 33–38], копии протокола на финском языке см.: [UA 2].

финляндскими районами и близость финской ветки железной дороги¹⁸. После присоединения Реболы сохранили относительную хозяйственную независимость, но по договору 20% обрабатываемых земель было передано Финляндии. Взамен финское правительство обещало довести до Ребол ветку железной дороги (см.: [Jääskeläinen 1961: 173; Vahtola 1988: 301], см. также: [Rasimus 2001]). Примеру Ребол несколько позже последовала также экономически связанная с Финляндией Поросозерская волость: ее присоединение состоялось летом 1919 г. [Kaukoranta 1944: 53–54]. Обе волости просуществовали под протекторатом Финляндии вплоть до Тартуского мира (14 октября 1920 г.).

Финские и карельские активисты начали готовить новый поход в Карелию. Правительство Финляндии, обсуждавшее этот вопрос в начале марта 1919 г., под международным давлением и без большого энтузиазма поддержало идею добровольческого выступления [Vahtola 1997: 49]. В результате 21 апреля финские добровольческие отряды пересекли границу и двинулись «освобождать» своих олонецких братьев. В их рядах было определенное количество карелов-беженцев, шедших отвоевывать у большевиков свои деревни. И если в Беломорской Карелии отряды добровольцев были встречены прохладно, то часть олонецких карелов, уставшая от комбедов и продразверстки, принимала их хлебом-солью. Правда, часть местных жителей в то же время сражалась на стороне большевиков¹⁹.

Финские войска быстро продвигались на восток, захватывая все новые волости. В Олонце из местных жителей финнами было сформировано так называемое Олонецкое правительство. Правда, по мнению исследователей, его роль была скорее представительской, а вся реальная власть была в руках у финнов [Осипов 2006: 127]. На занятой территории осуществлялась хозяйственная деятельность, направленная на спасение населения от голода, создавались шюцкоровские²⁰ отряды. Однако массового подъема населения против большевиков не произошло. Крестьянская масса не имела ясных ориентиров, была запугана, чувствовала чужеродность пришлых «освободителей».

Участник похода, автор записки «Впечатления олонецкого гостя», инструктор по просветительной работе Пааво Корвен-Корпинен писал о местном населении: «Годами длившаяся война оставила мужчин на полях сражений Мировой войны. Те, кто выжил – либо на нашей, либо на боль-

¹⁸ История Ребол целиком посвящено издание: [Anuksen 2001]. Об экономической связи между Реболами и Финляндией см.: [Жуков, Кораблев, Макуров, Пулькин 1999; Витухновская 2006: 93–95].

¹⁹ О так называемом «Олонцеком походе» см.: [Vahtola 1997] и [Осипов 2006: 121–156].

²⁰ Шюцкор (швед. skyddskår, фин. suojeluskunta) – охранный корпус, отряд самообороны.

шевистской стороне. Дома только старики и дети. Старый думает о хлебе, а ребенок – ни о чем, поэтому и нельзя было встретить [здесь] подъема идей независимости. Кроме того, у этого братского племени никогда не было национального пробуждения со своими великими деятелями, как у нас, и мы, старший брат, не делали ничего в прежние десятилетия для подъема нашего спящего родственника к национальной жизни. ... Чудодли, что эта идея в Олонии не созрела десять лет назад?» [КА 4. Перевод автора]. Участник похода капитан Саура вспоминал о карельских беженцах, отступавших вместе с ним в Финляндию: «Лишь некоторые [из них] понимали цель войны и поддерживали ее, но другие не понимали совсем, даже когда им объясняли. „Рюсся“ был плохим, но правителем, „руочи“ – хороший и слабый, таково было обычно [их] представление. [Они] везде желали, чтобы вернулось царское время» [КА 6. Перевод автора].

Несмотря на то что финские войска дошли почти до Петрозаводска, захватив находящуюся в 50 километрах от столицы Олонецкой губернии Пряжу, они не смогли удержать победу. Большевики начали активно теснить финнов, а в самой Финляндии тем временем изменилась политическая ситуация – президент Столберг выступил за мирное сосуществование с Советской Россией. С отступающими финнами в Финляндию двинулись массы карельских беженцев, боявшихся мести большевиков. Последние отряды финнов покинули территорию Олонецкой Карелии в августе 1919 г. С ними ушли в Финляндию по меньшей мере две тысячи карелов [Осипов 2006: 151].

Во второй половине 1919 г. начала обостряться ситуация и в Беломорской Карелии. Администрация белого Временного правительства Северной области, считавшая Кемский уезд подвластной себе территорией, направила туда в декабре 1919 г. карательный отряд под командованием кемского уездного начальника барона Э. П. Тизенгаузена. Он потерпел поражение и был взят в плен, после чего белое правительство не рисковало атаковать регион, подвластный Комитету. В начале 1920 г. генерал Миллер даже отправил к карельскому правительству депутацию под руководством генерала Н. А. Ключева, пытаясь получить от него поддержку в борьбе с большевиками²¹. Миссия Ключева закончилась ничем, а в феврале 1920 г. правительство Северной области пало.

21 марта – 1 апреля 1920 г. в Ухте состоялся съезд представителей волостей, признавших власть Комитета²². В его работе приняло участие

²¹ О походе Тизенгаузена см.: [Холодковский 1975: 175; Новикова 2011: 188]. О переговорах генерала Ключева с представителями Комитета см.: [Безбережьев 1993].

²² О подготовке к этому съезду см.: [Дубровская 1995].

120 депутатов, представлявших 11 волостей Беломорской и северной части Олонецкой Карелии [Churchill 1970: 156–159]. Финские представители в съезде не участвовали, если не считать делегата от Ребольской волости Василия Кейняса²³. По решению съезда Комитет был преобразован во Временное карельское правительство, а также было принято единодушное решение об отделении от Советской России. Вопрос о «будущем политическом положении» региона оставлялся открытым²⁴. Однако через месяц, в мае, большевики захватили регион; Временное карельское правительство и сотни местных жителей были вынуждены бежать в Финляндию.

Эти драматические события сопровождались серьезными внутри- и внешнеполитическими инициативами. Важнейшим для судеб Карелии стало принятое 18 мая 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) решение о создании Карельской Трудовой Коммуны, которая и была образована декретом ВЦИК от 8 июня 1920 г. Одновременно был создан ее временный высший орган – Карельский революционный комитет [Декрет ВЦИК 1920].

1 июля 1920 г. в Петрозаводске начался первый Всекарельский съезд трудящихся карелов, в котором участвовало 142 делегата от 24 карельских волостей, в том числе и от только что занятых красными волостей Кемского уезда. Съезду карелов предстояло констатировать свершившееся: на их территории возникло автономное образование, которое являлось составной частью РСФСР²⁵. В резолюции съезда читаем: «Торжественно от имени карельских трудящихся масс Олонецкой и Архангельской Карелии [...] заявляем, что карельское трудовое население не хочет порвать культурных, экономических, политических и государственных связей с Советской Россией и совершенно не думает о присоединении к белой Финляндии. Карельский народ чувствует себя свободным в пределах Советской России...» [Всекарельский съезд 1990]. Так, в противовес независимому Карельскому государству, провозглашенному в Ухте, была создана карельская автономия, входящая в состав Советской России.

И все же с созданием Карельской Трудовой Коммуны Гражданская война в Карелии не закончилась. Крестьяне по-прежнему пребывали в плену катастрофического голода и тотальной несвободы. В 1920 и 1921 гг. в карельских регионах зрело недовольство, в органы власти поступали многочисленные сигналы «с мест». Крестьяне самых разных

²³ Воспоминания Василия Кейняса о его поездке и участии в съезде см.: [Воспоминания 2013].

²⁴ Протокол этого съезда хранится в архиве Министерства иностранных дел Финляндии: [UA 3].

²⁵ О создании Карельской Трудовой Коммуны см.: [Kauppalä 1992; Левкоев 1995а, б; Kangaspuro 1996].

волостей жаловались на непосильность продналога и невозможность его выполнить, на отсутствие самых необходимых продуктов, мануфактуры, нехватку лошадей. Крестьяне Верховского общества Рыпушкальской волости просили, например, в июле 1921 г. отменить продналог на шерсть до будущего года: «наступаая период зимних холодов мы граждане Верховского общества не имея ни чулок, [...] ни верхней одежды, ни валенных сапогов и [от] 13 наших овец продолжения года получаем всего с каждой овцы в среднем $\frac{3}{4}$ фунт шерсти...» (орфография оригинала сохранена) [НА РК 2: 120]. Повсеместно сообщалось о невозможности выполнять также и масляную повинность: удои молока были плохими из-за отсутствия кормов, а поскольку не было хлеба, население питалось только молоком. Крестьянство «изолировано от получения продуктов извне, и даже дети крестьян не снабжаются продуктами...» [НА РК 2: 42, 55].

Крестьяне Туломозерского общества в марте 1921 г. сообщали, что уездный посевком не озаботился высылкой им семенного зерна, а у них самих недостаточно телег «и совсем мало лошадей, кои могут еще ходить». «Если не будет оказана помощь, то клин посевной площади [...] остается непросеянным и население снова обречено на голодную смерть...» [НА РК 3: 83об., 84]. Граждане того же общества сообщали, что красноармейцы безжалостно относятся к их лошадям, водят их через топкие участки рек, ездят по-кавалерийски, лошади могут погибнуть, а без лошадей хозяйство существовать не может. «Загоняют последних лошадей до смерти», – жаловались туломозерцы [НА РК 3: 55об., 123об., 124, 136, 136об.].

Росла тревога и «наверху». Комиссар иностранных дел Георгий Чичерин сообщал в апреле 1921 г. о «страшной голодовке в Карелии» (цит. по [Килин 1999: 56]). Стратегически важное положение края приковывало к нему внимание руководства Советской России, которое пыталось исправить положение (см. об этом: [Килин 1999: 55–59]). Стоит, впрочем, отметить, что не в одной Карелии ситуация была угрожающей: 1920 и первая половина 1921 г. ознаменовывались расширением крестьянского антибольшевистского движения по всей России. Специалист по крестьянским выступлениям периода Гражданской войны Т. В. Осипова назвала 1920 г. «девятым валом крестьянского сопротивления» [Осипова 2001: 322]. Виктор Кондрашин считает вторую половину 1920 и первую половину 1921 г. третьим этапом крестьянского сопротивления [Кондрашин 2009: 195], во время которого крестьянское движение переросло в крестьянскую войну. Основной причиной этого исследователь считает катастрофическое ухудшение крестьянского хозяйства, произошедшее в годы продовольственной диктатуры и гражданской войны. В 1921–1922 гг. по всей России голодали

свыше 30 миллионов человек [Алёшкин, Васильев 2010: 171]. По подсчетам ВЧК, только в феврале 1921 г. в 118 волостях России проходили крестьянские восстания [Кантор 2005: 245].

В карельских волостях росли протестные настроения. Подспудно зревшее недовольство, вызванное голодом, притеснениями, несправедливостью властей и прямыми грабежами крестьян, достигло критической массы. Сохранились рапорты начальников воинских застав в волостях Беломорской Карелии, которые свидетельствуют о приближении взрыва. Так, начальник заставы 4 роты Пируев рапортовал 21 октября 1921 г.: «Доношу довашего сведения (орфография оригинала сохранена. – М. В.) что Вокнаволотской волости дер. Вонницы граждане держали между собою собрание. Вопросы говорят были такие. Что здавать ли оружие самовольно или нет и потом пойти на всеобщий обучь или нет. И говорят постановили так, что оружие не здавать и навсеобщий обучь не идти зделать забастовку». Через десять дней встревоженный Пируев пишет: «При сем заявляю Нач. Заставы села Суднозера, что мне необходимо иметь легкое огнестрельное оружие виду тово, что настроение у граждан анти советское. А также как и в вдер. о Супассалми от туда приходили с вопросом. Отом что жить самостоятельным. [...] Вчём и убедительно прошу снабдить меня каким либо револьвером» [КА 8].

Следует учитывать еще один важный фактор: в Финляндии к весне 1921 г. скопилось около 4600 карельских беженцев [Nevalainen 1999: 26; Невалайнен 2003: 27]. Большая часть из них была настроена решительно: они стремились вернуть независимость Беломорской Карелии. В ноябре 1921 г. в Тунгудской и Юшкозерской волостях началось крестьянское восстание, которое очень скоро распространилось на некоторые другие волости Беломорской Карелии – Летнеконекскую, Маслозерскую, Кимасозерскую и Ругозерскую. К восставшим вскоре присоединились отряды, сформированные в Финляндии и состоявшие в основной своей части из карелов. По оценкам исследователей, в войсках восставших было 2500 карелов и 500 финских добровольцев.

Мы не будем подробно останавливаться на Карельском восстании, которое требует специального исследования. Его ход в общих чертах освещался в работах Ю. Килина и диссертации А. Осипова [Килин 1999: 55–76; Осипов 2006: 172–212]. В руках восставших оказалась почти половина всей Российской Карелии. В воззвании Временного карельского правительства «Карельскому народу» говорилось: «...всех нас вдохновляет только одна цель: свобода, твердое непоколебимое желание самим распоряжаться своими делами и делать общую единодушную работу на пользу любимой Карелии, унаследованной нами от наших предков.

Будем же поэтому только Карелами. Мы должны сейчас принести всё на алтарь нашей отчизны» [КА 9].

Однако силы были неравны. Советское правительство направило на разгром восстания военную группировку из более чем 30 тысяч человек, и это десятикратно превосходившее по численности войско не оставило восставшим шансов. В конце февраля 1922 г. восстание было разгромлено. Вместе с остатками разбитого войска восставших из Карелии в Финляндию бежало около 15 тысяч человек, что составляло около 11 % от всего населения Карельской Трудовой Коммуны. Этим завершилась Гражданская война в Карелии.

Как мы видим, драматические события четырех с лишним послереволюционных лет, противостояние различных политических и военных сил всколыхнули карельские массы, заставили крестьян разрабатывать свои стратегии, искать союзников, пытаться реализовать различные сценарии будущего. Терзаемые голодом, насилием, притеснениями, карельские крестьяне Архангельской и Олонецкой губерний не были единодушны в выборе своего пути, и поэтому выбираемые ими стратегии были различны – от присоединения к большевикам до попыток формирования независимого национального государства или вхождения в качестве протектората в Финляндскую республику. Сложный и драматичный процесс гражданского противостояния в Карелии, ставший частью грандиозного мозаичного полотна Гражданской войны в России, требует дальнейшего пристального изучения и описания.

Источники

АУ ФСБ РК – Архив Управления федеральной службы безопасности по Республике Карелия. Ф. 6. Д. 13.

Безбережьев 1993 – Безбережьев Сергей. Миссия генерала Ключева // Север. 1993. № 7. С. 119–131.

Борьба за установление 1957 – Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: Сб. документов и материалов / Ред. В. И. Машезерский, Н. Ф. Славин. Петрозаводск, 1957.

В борьбе за власть Советов 1957 – В борьбе за власть Советов: воспоминания участников борьбы за установление советской власти в Карелии / Отв. ред. Е. С. Гардин. Петрозаводск, 1957.

В боях 1932 – В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания / Ред. И. Н. Хропов и Я. В. Олесич. М., 1932.

Вестник 1917 – Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 16.

Воспоминания 2013 – «Здесь слышалось настоящее биение сердец народа Карелии». Воспоминания учителя В. Кейяса о съезде депутатов одиннадцати карельских волостей в селе Ухта. 1920 г. // Исторический архив. 2013. № 4. С. 99–115.

Всекарельский съезд 1990 – Всекарельский съезд представителей трудящихся карел 1–3 июля 1920 г. Первый Всекарельский съезд Советов 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990.

Декрет ВЦИК 1920 – Декрет ВЦИК от 8 июня 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. М., 1920. № 53. Ст. 232.

Документы 2007 – Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922 гг.) / Ред. Е. Ю. Дубровская, Н. А. Кораблёв // Нестор. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография / Ред. В. И. Мусаев. СПб., 2007.

За Советскую Карелию 1963 – За Советскую Карелию, 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне / Отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1963.

Карелия в период восстановления 1979 – Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925 / Ред. А. И. Афанасьева, В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1979.

Карелия в период гражданской 1964 – Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920. Сб. документов и материалов / Ред. Я. А. Балагуров, В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1964.

Крестьянское восстание 1994 – Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994.

Крестьянское движение 2002 – Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 г.: Документы и материалы. Серия «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: Документы и материалы» / Ред. В. Данилов, Т. Шанин. М., 2002.

Марушевский 1930 – Марушевский В. В. Белые в Архангельске / Ред. П. Е. Щеголев. Предисловие Н. Леман. Л.: Прибой, 1930. 279 с.

НА КарНЦ РАН 1 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1.

НА КарНЦ РАН 2 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 36.

НА КарНЦ РАН 3 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140.

НА КарНЦ РАН 4 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139.

НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-3716 (фонд писателя Яакко Ругоева).

НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 1/8.

НА РК 3 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 3/36.

Речь М. Чубриева 1918 – Речь М. Чубриева на IV-м (чрезвычайном) Съезде Советов Олонецкой губернии // Отчет о IV-м (чрезвычайном) Съезде Советов Олонецкой губернии (с 25 июня по 4 июля 1918 г.). Петрозаводск, 1918. С. 17–18.

Советская деревня 1998–2005 – Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Ред. А. Берелович, В. Данилов. М., 1998–2005.

Ilmarinen 1927 – Ilmarinen. Metsäsissipäälikön muistelmat. Osa I. Karjalan metsä-sissit nousevat. Porvoo, 1927.

Ilmarinen 1931 – Ilmarinen. Metsäsissipäälikön muistelmat. Osa II. Taistelut Karjalan vapauttamiseksi. Porvoo, 1931.

KA 1 – Suomen kansallisarkisto. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Sihteerin ja toimiston kirjeenvaihto. 1917 F Sidos 32.

KA 2 – Suomen kansallisarkisto. Karjalan sivistysseuran arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

KA 3 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. P-Aunus 48.

KA 4 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. E-Aunus 10.

KA 5 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. E-Aunus 12.

KA 6 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. E-Aunus 22.

KA 7 – Suomen kansallisarkisto. Heimosota-asiakirjat. Malm 4.

KA 8 – Suomen kansallisarkisto. Itä-Karjalan työväenhallinto. Kot. 62. Tiedusteluasiakirjoja 1921.

KA 9 – Suomen kansallisarkisto. Karjalan kansannousun arkisto. Kotelo 3.

Kemppainen 1927 – Kemppainen Y. Vienan-Karjalan retkikunnat. «Suomen vaupussota». Toimittaneen Kai Donner, Th. Svediin, Heikki Nurmio. VIII. Jyväskylä, 1927.

Kivinen 1919 – Kivinen Lauri. Muistelmia Vienan Karjalan toisen retkikunnan vaiheista. Helsingissä: Otava, 1919.

Martina 1935 – Martina Paul. Miesten syöjiltä sijöiltä: muisteluksia Vienana ja Aunuksen vainovuosilta. Porvoo, 1935.

Maynard 1928 – Maynard C. M. The Murmansk venture. London: Hodder and Stoughton, 1928.

Swettenham 1967 – Swettenham J. Allied Intervention in Russia, 1918–1919, and the part played by Canada. London: George Allen & Unwin, 1967.

UA 1 – Ulkoasiainministeriön arkisto. Ryhmä 11. Osasto A I. Asia 4.

UA 2 – Ulkoasiainministeriön arkisto. Ryhmä 11. Osasto A II. Asia 2.

UA 3 – Ulkoasiainministeriön arkisto. Ryhmä 11. Osasto A V. Asia 2.

Ullman 1961 – Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton: Princeton University Press, 1961.

Viklund 1919 – Viklund Arvo. Aunuksen eteläisellä rintamalla. Hämeenlinna, 1919.

von Hertzen 1921 – von Hertzen Gunnar. Karjalan retkikunta. Jyväskylä, 1921.

Литература

Алёшкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М.: Голос-Пресс, 2010.

Англичане на Севере (1918–1919 гг.) // Красный архив / Под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче. 1926. Т. 6 (19). М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 38–52.

Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск: Карелия, 1973.

Барон Ник. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.

Боданов Х. Г. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда (1918–1921 гг.) // Карело-Мурманский край. 1927. № 10–11. С. 7–13.

Витухновская Марина. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006.

Витухновская-Кауттала Марина. «Карелия для карел!». Гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 245–282.

Витухновская-Кауттала М. А. Карельский крестьянин в горниле Гражданской войны, 1917–1922 гг. // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Сб. статей / Отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. С. 198–203.

ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (По материалам информационных сводок ЧК-ОГПУ) / Сост. Г. Ф. Доброноженко. Сыктывкар: СГУ, 1995.

Гардин Е. С. Разгром белофинской авантюры (1921–1922). Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947.

Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: МГУ, 1993.

Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000.

Гусев К. В. К истории Карельского мятежа (По материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–83.

Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Теодор Шанин. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

Данилов В., Шанин Т. Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (Вместо предисловия) // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов: МИНЦ, 1994. С. 5–6. <http://www.tstu.ru/wvin/kultur/other/antonov/proekt.htm>.

Дубровская Е. Ю. Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.). Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. С. 63–72.

Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 88–97.

Дубровская Е. Ю. Общественная жизнь карельского населения Архангельской и Олонецкой губернии в годы российской революции и Гражданской войны (1917–1929) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М.: Социально-политическая мысль, 2005а. С. 136–152.

Дубровская Е. Ю. Судьбы приграничья в «Рассказах о гражданской войне в Карелии» (по материалам архива КарНЦ РАН) // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Материалы междунар. конф. к 75-летию ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005б. С. 102–106.

Дубровская Е. Ю. Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 253–262.

Дубровская Е. Ю. Национальные вооруженные формирования в Карелии в годы Гражданской войны: опыт 1918 года // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы XI ежегодной междунар. науч. конф. / Ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. С. 81–91.

Жуков А. Ю., Кораблёв Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск, 1999.

Иоффе Элеонора. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2005.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001.

Кантор Юлия. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Огонек, Время, 2005.

Кишин Ю. М. Карелия в политике советского государства, 1920–1941. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999.

Кишин Ю. М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. [Электронный ресурс]. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. 1 электрон., опт. диск (CD-R) <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=012&id=16560&cType=1>.

Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977.

Кондрашин Виктор. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009.

Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля-октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М.: Новый хронограф, 2015.

Левкоев А. А. Национальная политика в Советской Карелии (1920–1928 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995а.

Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование Карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923) // Общественно-политическая история Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1995б.

Машезерский В. И. Установление Советской власти в Карелии (1917–1918). Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957.

Машезерский В. И. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978.

Миц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.

- Минц И. И. Интервенция на Севере: в документах. М.: Партиздат, 1933.
- Невалайнен П. Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журн. «Нева», 2003.
- Новикова Людмила. Провинциальная «контрреволюция»: белое движение и гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М.: НЛЮ, 2011.
- Осипов А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. На правах рукописи.
- Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001.
- Правда о разбойничьем налете на Карелию. Петроград: Полит. упр. Петрогр. воен. окр., 1922.
- Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003.
- Соколов-Страхов К. И. Зимняя компания в Карелии 1921–22 гг. Борьба за обладание Мурманским незамерзающим портом и железнодорожным путем к нему. Л.: Воен. тип. упр. Наркомвоенмор и Р.В.С. С.С.С.Р., 1927.
- Сюкияйнен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 годах. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948.
- Тереженков Л. Е. Работа Карельского Истпарта по формированию исторической памяти о революции и Гражданской войне в Карело-Мурманском регионе // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. История. 2010. № 7. С. 23–27.
- Хесин С. С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921–1922 гг. М.: Воен. изд-во, 1949.
- Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия, 1918–1920. М.: Наука, 1975.
- Хропов И. Н. Советская Карелия в борьбе за Красный Петроград // Карело-Мурманский край. 1929. № 10. С. 19–21; № 11–12. С. 25–29.
- Хропов И. Как не следует писать историю // Карело-Мурманский край. 1930. № 2. С. 6–8; № 3. С. 8–10.
- Хропов И. В борьбе с белофинской авантюрой в Беломорско-Ухтинской Карелии в 1921–1922 гг. // Красная летопись. 1933. № 2.
- Шерман И. Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931). Харьков: Харьковский гос. ун-т, 1964.
- Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Приднестровский ун-т, 2007.
- Шумилов М. И. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упорочение Советской власти (1917–1918). Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957.
- Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: Карелия, 1973.
- Яккола Николай. Водораздел. Петрозаводск: Карелия, 1972.
- Яров С. В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 2014.

- Aunuksen Repola* / Toim. Heikki Tarma. Joensuu: Repola-Seura, 2001.
- Baron Nick*. Soviet Karelia: politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920–1939. London; New York: Routledge, 2007a.
- Baron Nick*. The King of Karelia. Col P. J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918–1919. A History and Memoir. London: Francis Boutle Press, 2007b.
- Churchill Stacy*. Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1970.
- Harjula Mirko*. Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914–1922. Maailmansota, vallankumous, ulkomaisten interventio ja sisällissota. Helsinki: SKS, 2007.
- Jaakkola Nikolai*. Pirttijärven rantamilla. Pietroskoi, 1949.
- Jaakkola Nikolai*. Ristiaallokossa. Pietroskoi, 1977.
- Jaäskeläinen Mauno*. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyhtyritykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918–1920. Helsinki: WSOY, 1961.
- Kangaspuro Markku*. Suomalainen vai venäläinen Karjala: Neuvosto-Karjala kansallisten aatteiden taistelulenttänä vuosina 1920–1940. Joensuu: Joensuun yliopisto, 1996.
- Kaukoranta Toivo*. Itä-Karjalan vapaudentie. Poliittis-kronologinen yleiskatsaus. Helsinki, 1944.
- Kauppalä Pekka*. Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung ja Schicksal eines sozialistischen Regionalexperimenten (Diss.). Freiburg 1992. =Freiburger Dokumentenserver: <http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/6678/> pp. 3–77.
- Kianto I*. Suomi suureksi, Viena vapaaksi. Sotakesän näkemyksiä. Hämeenlinna: Karisto, 1918.
- Kokko Arvo*. Hallan ukko. Piirteitä maanviljelijä J. A. Heikkisen elämästä ja elämäntyöstä. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1939.
- Neväkiwi Jukka*. Iivo Ahava punainen heimosotilas // Studia Historica. Oulu: Oulun Historiasseura, 1967. S. 261–283.
- Neväkiwi Jukka Taneli*. Muurmannin legioona – suomalaiset ja liittoutuneiden interventio Pohjois-Venäjälle 1918–1919. Helsinki: Tammi, 1970.
- Nevalainen Pekka*. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä: Venäjän pakolaiset Suomessa 1917–1939. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1999.
- Niinistö Jussi*. Heimosotien historia, 1918–1922. Helsinki: SKS, 2005.
- Nygärd Toivo*. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki: Otava, 1978.
- Polvinen T*. Venäjän vallankumous ja Suomi. 1917–1920. Vol. 2. Toukokuu 1918 – joulukuu 1920. Porvoo, Helsinki: Werner Soderstrom, 1971.
- Ranta Raimo*. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan Sivistysseuraksi v. 1906–1922. Tampere, 1997.
- Rasimus T*. Repola Suomen yhteydessä v. 1918–1921 // Aunuksen Repola. Joensuu: Repola-Seura, 2001. S. 175–228.

Vahtola Jouko. «Suomi suureksi – Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi: Gummerus, 1988.

Vahtola Jouko. Nuorukaisten sota. Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki: Otava, 1997.

Wright Alistair S. The establishment of Bolshevik power on the Russian periphery: Soviet Karelia, 1918–1919. PhD thesis. 2012. <http://theses.gla.ac.uk/3105/1/2011wrightphd.pdf>.

Сведения об авторе. Доктор философии, доцент, Хельсинкский университет.